

ВОЙНА ЗА СЕРДЦЕ РОССИИ (Уроки Цусимы)

ОГЛАВЛЕНИЕ:

1. Парадигма Великого Петра	2
2. «Командует четырьмя»	5
3. Война за обладание океаном	7
4. Сибирь – сердце России	10
5. Последнее сражение равных	12
6. «Собрали тьмы своих полков»	13
7. Апостолы воины и художники	16
8. «Сибирская Иллиада» Васильева	20
9. «Свет мал – Россия велика»	23

1. Парадигма Великого Петра

"Все наши воинские корабли должны претендовать от всех республик, дабы перед нашими воинскими кораблями командующие флаги и вымпелы спускали, каковы б наши малы, а их велики ни были; и ежели не учинять, то их принуждать к тому. Сие разумеется в море, а не в их гаванях".

Морской Устав Петра Великого, 1720 год.

Царь-адмирал собственноручно вписал державно-мозолистой рукой – это наставление в Морской Устав созданного им русского флота. Петр I к этому времени владел в совершенстве 14 ремеслами, начав с аттестата выданного ему в Кенигсберге во время Великого посольства, куда строгие учителя пруссаки вписали: «Петра Михайлова признать и почитать за совершенного в метании бомб, осторожного и искусного огнестрельного художника».

Почему Великий Петр, этот самый оклеветанный в истории Отец Отечества и Помазанный Огнестрельный художник, потребовал от своих детей на всех русских кораблях пуще жизни дорожить честью Андреевского флага Святой Руси и на всех морях требовать уважения к нему, «а ежели не учинять, то их принуждать к тому». Своим Уставом Император-корабел и флотоводец давал понять всем государствам и своим поданным, что он построил лучший в мире и первый на морях флот. Потому он и воскликнул после битвы при Гангуте:

«Природа создала Россию одну – она соперниц не имеет».

Таково было завещание Петра I следующим поколениям. Что давало Преобразователю уверенность в предназначении России? Прежде всего, вера в миссию России в мире и основы, которые он сам заложил для первенства на земле Святой русской империи. В чем эти основы?

Петр выпестовал и закалил в боях новый регулярный флот и армию. Создал гвардию. Построил тридцать верфей, превратив всю Россию в единое Ладейное Поле. Возвел двести крупных предприятий. Заслонил столицу неприступным Кронштадтом. При этом, к сведению всех европрохвостов, не взял ни одного рубля инвестиции. Царь причислил всех павших на стройках, на шлюзах, на каналах и верфях и столице всех работников, к солдатам павшим за Православие. С 1712 года преобразователь строго запретил трудовую повинность на государственных стройках, заменив ее свободным набором, создав даже род сословия свободных плотников. Царь среди непрерывных сражений истроек сумел за время правления значительно увеличить население России, без учета присоединенных земель. Эти данные, которые злобно умалчиваются, изложил в 30-х годах крупный советский академик-экономист и статистик Струмилин.

Французский посол в России Капредон доносил о Петре: «Ништадский договор сделал его властелином двух портов на Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих кораблей и внушает страх всем своим соседям. При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места своих войск...»

По случаю окончания Северной войны на Троицкую площадь выкатили бочки с вином. На виду любимого храма Троицы, где царь по несколько раз в неделю пел на клиросе и читал Апостол, Петр вбежал на помост и обратился к народу.

«Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый, вечный мир». Император ковшом зачерпнул вино и поднял тост за здоровье русского народа. Пушки Петропавловской крепости и орудия ста двадцати пяти галер на Неве ответили салютом.

Чернышевский говорил: «Для нас идеал патриота – Петр Великий», Но Чернышевский в своем упрощении и здесь ошибся. «Петр Великий, – заметил Пушкин. – Один – целая всемирная история». Петр I идеал державного православного вождя. Он был послан в мир как эталон и как вечная парадигма русской жизни и судьбы. Нет ни одной сферы жизни, в которой Святой Отец Отечества Петр не был для нас национальным образцом.

Петр проявил себя в трудах, боях и управлении, как искомый эталон русского характера, как собирательный образ родного народа. Петр во всех своих привычках, устремлениях, идеалах, подвижничестве, простоте и правдивости, явил себя как глубинно народный тип в его совестливости, трудолюбии и богатырстве. Главной чертой его характера, как и его родного народа, была исключительная всеподчиняющая себе **правдивость** и верность Православной России.

Петр и есть воплощенный русский идеал и русский характер. До него народ этот эталон русского характера приписал в былинах преподобному Илье Муромцу, «старому казаку и «атаману» богатырской стражи». Петр I сам есть вечное воплощение русской национальной идеи. Парадигма Петра есть парадигма спасения, оздоровления и торжества Руси на тысячелетие вперед.

Петр не пробивал окно в Европу. Он вернул России Балтику, где русские были хозяевами со времен Андрея Первозванного и утратили ее на девяносто лет, как расплату за смуту. Но для Петра и Балтика и Черное море были только этапами. Не для того он создавал флот, чтобы плавать по закрытым морям Балтийскому и Черному. Петр I мечтал о мировой торговле и рвался к океанам. Никогда его духовный горизонт не покидали Индия, Япония и Китай. Именно стремление к Индии побуждали его посылать экспедиции в Среднюю Азию и на Камчатку, а на следующий год после долгожданного Ништадского мира, император буквально ринулся в Персидский поход и на Каспии пробивался к Индии. Петр I прозревал, что мировые судьбы России будут решаться на мировых океанах. Его особенно волновало Белое море, как выход в Атлантику и Сибирь, как ворота в Тихий океан. Стремление царя-флотоводца к Индии и Китаю вызывало в Англии род тихой паники, смешанной с ненавистью.

Ко времени Цусимы русскому флоту и Российской империи было двести лет. Как только русский флаг появился на морях, Россия стала великой державой. Соединенных штатов при Петре I в природе не существовало. Но Англия претендовала на гегемонию в мире, как и подобает «владычице морей». Овладев Балтикой, Петр I понимал, что в лице Англии он уже имеет тайного, упорного и смертельного врага и конкурента без сантиментов. Но Петр I этот, по словам Пушкина, «северный исполин», никогда не представлял Россию второй державой в Европе и мире, а только первой. Англичане уже отмечали в донесениях, что русские корабли превосходят английские. Петр I создал крупнейшую в мире верфь – Адмиралтейскую, где трудилось до десяти тысяч человек! В Кронштадте по своим чертежам он соорудил самый большой в мире док. Он понимал глубинную природу флота, требующего мощного и надежного базирования. Человек глубоко религиозный (закрепившим указом смертельную казнь всякому, кто будет

сворачивать его православных поданных в иную веру) Петр I пел в русской церкви даже в Париже, а Адмиралтейство воспринимал как род религиозного храма. Кораблик на шпигеле становился новой иконой святой Руси. Не случайно главный собор России, посвященный Исаакию, на день которого родился император, Петр создал из адмиралтейского чертежного амбара. История не знала таких примеров.

2. «Командует четырьмя»

Если бы Бог даровал Петру более долгий век, он, несомненно, встретился бы в беспощадном и открытом бою с английским флотом и победил его. Равных ему моряков в мире не было ни до, ни после царя-флотоводца. Лучший в мире корабль «Ингерманланд» Петр построил в Адмиралтействе по своим чертежам и своими руками. На шестидесятичетырех пушечном линейном корабле «Ингерманланд» адмирал-Царь за пять лет до окончания Северной войны в 1716 году командовал на Балтике четырьмя крупнейшими флотами мира – эскадрами: английской, русской, голландской, датской. Глубоко осознав мистическое значение этого акта, Петр велел выбить в назидание потомству медаль с надписью «командует четырьмя». Не будем забывать что «Ингерманландом» командует Православный Помазанный Царь, а на корабле иеромонах и церковь. «Ингерманланд», как и все русские корабли – это плавающие Кижы. Сами Кижы были сработаны русскими плотниками в царствование Петра – время величайшего взлета плотнического искусства. Евразийцы с тайной ордынской ущербностью, вместе со злейшими врагами Руси, до сих пор мусолят звонкую метафору Пушкина о Петре, прорубившем «окно в Европу». Этим политологам с бабьим менталитетом кажется, что «северный исполин» чрез окно пролез в Европу, чтобы командовать четырьмя сильнейшими флотами. Ордынско-континентальное мышление вечных провинциалов, главное препятствие для утверждения достоинства России и ее процветания.

Следующим шагом Петра Великого стало бы освоение выходов в открытый океан – на Мурмане и в Сибири и превращении России в экономически несокрушимое государство с сетью дорог и каналов. Петр I понимал, что у государства омываемого морями трех океанов флот должен всегда быть сильнее армии, ибо флот, усилив морскую пехоту многократно, может в любой войне выполнить задачи армии, а вот последняя никогда не выполнит задачу флота. Англия, а за ней Соединенные штаты потому и владели миром, что понимали превосходство флота. Авиация не забудет тот же флот. Только в несчастной России, то и дело преобладал малодушный ордыно-евразийский синдром, бессознательно порожденный робостью перед конкуренцией и наступательностью во всех сферах. Англичане уловили этот синдром и, почувствовав тягу к самокопанию и самоунижению, стали внушать с тайным злорадством русскому обществу, что их страна – это гигант, у которого закупорены оба легких, т.е. моря Черное и Балтийское. Здесь они убивали двух зайцев: внушали чувство флотской несостоятельности, а самое главное старались, чтобы русские не вспомнили о своих главных легких на севере с выходом в Атлантику, и на востоке Сибирь с прямым выходом в Тихий океан.

После Азовских походов Великий Петр сразу уловил, что, воюя с азиатской деспотией, он никогда не создаст первоклассного флота и армии. Возрасти можно только в войне с сильнейшим противником, а не с «большим человеком Европы» каковым уже была Османская Порты. Петр I решительно меняет театр военных действий с юга на север.

В английском флоте существовала незыблемая традиция, по которой начальники, одержавшие победу над противником, уступающим им по силе и классу, не представлялись к наградам. Мы же, после Петра I, если не считать ряда сражений на море со шведами два столетия в десяти бестолковых войнах с третьестепенной Портой осыпали себя звездами, ставили обелиски и праздновали триумфы. Чем больше побед одерживала Россия над скопищами османов, которых направляла Англия, тем дальше Россия откатывалась во всех военных сферах и прозябала.

Но эта злокачественная и постыдная сторона военной истории и до сего дня не осмыслена ни в одном военном труде. Разумеется, не ставится под сомнение беззаветность и мужество солдат и офицеров, показавших в боях, особенно на Кавказском фронте былинную хватку и стойкость.

Битвы с Наполеоном и Гитлером убедительно показали, что русский дух раскрывает свою мировую силу только в схватках с лучшими армиями эпохи.

Наш флот не знал ни одного морского сражения с англичанами и французами. Мы по заветам Петра должны были бы искать боя на море только с англичанами. Увы, мы, в лице не сражавшегося генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича, главного могильщика флота, такого же Манилова, и либерала, как и военный министр Милютин (фельдмаршала, не выигравшего ни одного сражения), мечтали о третьем по силе флоте в Европе. Петр все свои звания получал, как подобает дворянину, в боях, не перескочив ни через одно звание, и строго следил, чтобы звания и награды были заслужены. После него звание даже генерал-адмирала стали давать августейшим особам чуть ли не с рождения, вместе с высшими орденами Империи.

Расплата пришла при Цусиме. Мы после дурацких «Турецких гамбитов» оказались по началу не способны противостоять первоклассному флоту и армии, закаленной на самурайской жертвенности и верности микадо при всенародной и единой поддержке японским народом. Ко времени Цусимы, Россия отметила победоносное двухсотлетие русского флота. Японскому военному флоту едва ли было десять лет. В России не нашлось ни одной мужественной души и сильного ума, который осмыслил для нации двухсотлетие флота, как два века непрерывной измены заветам Отца Отечества, именем которого клялись все русские монархи, и память которого пачкали все смертельные враги православия и России и нанятые убожества с извращенной ориентацией.

У нас за триста лет при взрыве литературы художественного вымысла с никчемными «лишними» людьми, не нашлось ни одного военного мыслителя европейского класса, типа Карла фон Клаузевица или Гельмута фон Мольтке, который осмыслил для нации ее военные усилия. Мы дали великих богословов типа Св. Игнатия Брянчанинова, но в военном деле, которое является «царским делом» и требует выдающегося ума и сильного характера, мы оказались слабы. Это стало особенно очевидно после Крымской войны. Главная причина нашей военно-духовной вялости, это бесконечное лупцевание «больного человека Европы», т.е. Оттоманской Порты, и угрюмо-серьезное восприятие разбойных шаек Кавказа и скопищ халатников Туркестана и Средней Азии. Словом, чем больше мы побеждали Турцию и прочих азиатов и славили Скобелевых, тем слабее становились, как бы доблестно не действовали рядовые и младшие офицеры.

Таков итог утраты океанской доминанты Великого Петра. Имя этому итогу – «Цусима».

3. Война за обладание океаном

Ближе всех приблизился к заветам Петра I последний русский император Николай II. Он проложил к берегам Сибири стальной путь и создал Сибирскую флотилию и Тихоокеанский флот, он же заложил Романов-на-Мурмане (Мурманск) и основал Северный флот, прокладывая Северный морской путь и основал русскую авиацию (1910г.) и подводный флот (1906г.). Царь спешил и рвался вместе со Столыпиным к Тихому океану, среди взрывов бомбистов, направляемых героическими неврастениками вроде Савинкова и его друга Азефа. Но тайные враги России решили во что бы то ни стало опередить царя, не дать ему твердо закрепиться на Русском Востоке своей державы.

Японская война стала первой войной после смерти Петра за обладание Тихим океаном и за утверждение на века на берегах Сибири. Война разгорелась на окраинах Сибири. Русские войска, вопреки клеветникам, не были разгромлены ни в одном из восьми сражений на суше. Они несли потери, стратегически отступали по воле Куропаткина, изматывая противника и накапливая силы. Решающую роль в стойкости русских войск сыграли сибирские дивизии и казаки. Позже будут на японской войне представлены части всех казачьих войск, но с первого дня в сражениях в полном составе участвовали три доблестных, молодых казачьих войска – Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Когда русские накопили силы, и уже были готовы сбросить войска изнемогающей Японии в море, на арену выскочил интриган лжереформатор Витте, ненавидевший царя и Россию тайной ненавистью. Не случайно большевики тиражировали только его мемуары. России навязывали мирный договор, хотя она обязана была добить японцев, во что бы то ни стало. Флот российский был разгромлен. Коммуникации растянуты на десять тысяч верст. Транссиб недостроен. Но русская армия преодолела эти тяготы и сосредоточилась для решающего удара. Нанести его не позволили те страны, которые будут лжесоюзниками России в Первой Мировой войне. Единственная страна крупная, которая сохраняла дружественность к России, была кайзеровская Германия, пережившая полосу небывалого цветения. Именно с ней почему-то и будет воевать Россия на свою погибель.

Русское общество сто лет назад, так же, увы, как и сейчас, смутно себе представляло тихоокеанский берег Сибири от мыса Дежнева до Владивостока. Он, этот берег Отечества и рубеж Святой Руси, как и сама Сибирь, не были укоренены в их сердце и не овеяны национальными воспоминаниями и величием, не смотря на трехсотлетнее подвижничество богатырей в этих краях и подвиги морских офицеров. Для дураков расчленили русскую культурную традицию, назвали начало столетия, якобы, «серебряным веком» и пускали пузыри в салонах. А Россия не выходила даже еще из эпического былинного времени, судя по казачьим знаменам, которые в 1900 году развевались на стенах Пекина во время подавления «боксерского» восстания, а генерал Ренненкампф с батальоном казаков и несколькими орудиями прошел с боями всю Манчжурию с севера на юг. Но «незнание России посреди России» (Гоголь) становилось главной угрозой национальной безопасности. И этот урок Цусимы нами не преодолен.

«Японсы!?» – фыркал окуровский воинский начальник Покивайко, у Горького вначале японской войны, – разумному человеку даже смешно самое это слово».

Сам Горький, говорят, телеграммой поздравлял Микадо с победой над русскими войсками. Лев Толстой призывал солдат не выполнять приказов начальников. Гимназистки-эмансипушки последовали примеру писателей и тоже слали поздравительные телеграммы Микадо. Такого разврата не знала история человечества. Почти все, кто радовался поражению русского оружия, соскользнут в кровавые ямы Гулага и найдут последнее пристанище в братских захоронениях типа Бутово. Расплата оказалась равна предательству и пришла незамедлительно. Русский флот и армия воевали, имея за спиной враждебный родной тыл и беспощадно-ядовитую печать, действовавшую как преступное бизнес-сообщество под вывеской «свобода печати».

Через сто лет позор повторился, при шельмовании медиа-бизнесом доблестной российской армии, вернувшейся из афганского похода и во время чеченских кампаний на Кавказе.

Ни после японской войны, ни после Афганистана и боев на Кавказе, ни флот, ни армия, ни государство не извлекли главного урока современных войн. Урок заключается в том, что ни одна армия, а российская, прежде всего, не имеет права ввязываться в боевые действия, не обеспечив себя новым наступательным и боевым родом войск, который можно пока назвать «медиа-войска». Лучшие насмешливые, мобильные, самые талантливые и дерзкие журналисты, без оглядки на военных бюрократов должны стоять под боевыми знаменами родных вооруженных сил. В мирное время «Красная звезда» призвана быть едва ли не самой авторитетной газетой в стране.

Сегодня, армия без медиа-войск и без могучих издательств и каналов – это униженная и битая армия, она не имеет исторического будущего и все средства, отпускаемые на армию бесполезны. Если генералы не способны создать медиа-войска, тогда они не заслуживают даже того скромного довольствия, которое сегодня получают. Кто не владеет словом, не будет владеть ни полем боя, ни морем, ни собственной страной, ибо в слове заключен тот дух, который составляет три четверти в балансе победы. Только одна четвертая приходится на материальные силы. Таково «золотое сечение» русской военной силы. Мы должны постепенно, но неуклонно избавляться от военнотрусов, которых назвать офицерами не поворачивается язык, ибо они полуграмотны, неуклюжи, косноязычны, испуганно переодеваются в «гражданку» и не уважают ни своих командиров, ни армию, ни цели, которым она призвана служить.

Создание офицерских медиа-войск должно быть профилирующей и господствующей темой при встречах силовиков в Совете безопасности. Если они не способны при их ресурсах овладеть сознанием своих войск и общественным мнением собственной страны, тогда слово «силовик» применительно к ним звучит насмешкой. Из-за отсутствия медиа-войск мы проиграли японскую войну, развалили армию к февралю 1917-го и сейчас проигрываем год за годом все кампании.

Отсутствие офицерских медиа-войск в России привело к тому, что господствовали в обществе пораженцы, а эскадра Рожественского ушла к Цусиме с чувством обреченности. Недостатки раздувались. Эскадра двигалась под злобное улюлюканье российской и западной преступной печати. Позже американский президент Теодор Рузвельт, как бы услышав стенания русской печати о трудностях перехода из Кронштадта в Японское море, взял да и отправил в 1907 году 16 линейных кораблей вокруг света, предварительно выкрасив их белой краской.

В великой стране ни одна организация, ни государственные структуры не отменили 100-летия Цусимы. Во всей стране только Движение Поддержки Флота во главе с Михаилом Ненашевым, провели в Большом зале Российской Академии наук внушительную научно-практическую конференцию, посвященную Цусимскому сражению. Тем самым капитан 1-го ранга Ненашев и его команда проявили государственную мудрость и мужество. Они еще раз напомнили, что разгром русского флота впервые после Петра Великого стал одновременно взлетом русского боевого духа. В Порт-Артуре русская морская пехота, т.е. сошедшие на берег моряки, показали чудеса стойкости, как в Севастополе в Крымскую войну. Севастополь и Порт-Артур, прежде всего благодаря морской пехоте, остались не сломленными и в глазах всего народа – победителями. Но даже на научно-практической конференции в Академии наук, нет-нет, да и подмывало докладчиков через сто лет занудно подсчитывать калибры, тоннаж, котлы, скорость и снаряды противников. И так ясно, что русские моряки приняли бой с противником, превосходящим их в три раза.

Русско-японская война была главной войной России после Северной войны Великого Петра, войной прямо связанной со всей будущностью русского народа и пребыванием его на земле. Сражения шли в Манчжурии и на море. Но это была война за Сибирь, которую самые проникательные умы давно осознали как сердце России и ее надежду, как лучшую

часть Святой Руси, где староверы искали мистическое Беловодье. И Транссиб, и БАМ, и проект Урало-Кузбасс, и ГОЭРЛО, и каскад электростанций на реках Сибири, и Севморпуть, и Северный флот с Тихоокеанским – все эти великие проекты родились и стали осуществляться до 1917 года, получив второе дыхание после Цусимы.

В свое время великий сын Германии Карл фон Клаузевиц имел мужество и мудрость заявить, что разгром Наполеоном Пруссии при Йене стал для немцев подарком судьбы. Разгром потряс Германию, протрезвил немцев и удесятирил их силы.

Цусима стала при страшных жертвах и горечи «русской Иеной» и уроком Божиим запямятовавшего любимого Его народа. Император Николай II в более мягкой форме, но фактически признал, как и Клаузевиц, воспитательную роль Цусимы, отметив в 1912 году.

«Тяжкие раны, нанесенные в минувшую войну нашему не знавшему до толе поражений флоту, должны быть исцелены; наш флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России, но раны эти, как ниспосланные нам Божественным промыслом, не должны быть забыты. В память о них необходимо почерпать стремление избегать в будущем тех несовершенств и ошибок, которым отмечено недавнее прошлое».

Русские моряки, такие как герои-портартуровцы адмиралы Грогорович, Эссен и Колчак, вместе со Столыпиным и Государем Николаем II совершили после тяжкой Цусимы с 1906 года, после смуты 1905 года, до начала Первой Мировой войны за какие-то восемь лет невиданное чудо, воссоздав мощный флот дредноутов, с неприступной крепостью Петра Великого, запиравшей Финский залив и, главное, воспитали одаренные и храбрые офицерские кадры.

Пришел 1917 год с «февралем» и «ноябрем» и гражданской войной и императорский флот, созданный Петром, был поврежден, утоплен и ушел за границу. Писатель Соболев, бывший гардемарин Его Высочества Цесаревича Алексея Кадетского Морского корпуса напишет роман «Капитальный ремонт», где он писал, что главная задача императорского флота была удержаться на плаву. Эта клевета с удовольствием принималась победившим классом. К чести Соболева, став в войну капитаном 1-го ранга, он горько раскаивался в своих вынужденных инсинуациях и ненавидел свой роман, как и его тяжелый семнадцатибуквенный заголовок.

После войны Сталин и выдвинутые им выдающиеся адмиралы Кузнецов и Горшков создадут флот, о котором страстно мечтал Великий Петр. Рождение нового великого атомного флота придется на «русский век» в XX столетии. Русским поистине веком можно назвать пятьдесят лет с 1941 по 1991 год, хотя эти годы по неверной инерции называют «советским» периодом. На самом деле это сталинско-петровский «русский век» мировой истории, когда русский флот превзошел по мощи не только бывшую «владычицу морей», но все флоты Европы, вместе взятые, и смело соперничал с такой сверхдержавой, как Соединенные штаты Америки.

4. Сибирь – сердце России

Каковы же основные уроки Цусимы, которые сегодня сверх актуальны и безотлагательны и призывают к действию.

Япония воевала с нами, как теперь они сказали бы «сто миллионов – одно сердце». Россия вступила в войну обремененная внутренними врагами, злобной печатью, толстовцами, кликушами и пораженцами. Что касается революционных демократов и социал-демократов и все масти демократов, то о них написано достаточно. Не менее опасны были доморощенные радетели славянофилы, которые призывали во всемирном слабоумии спасать всех «братушек», когда родной дом в огне. Всю молодость такие офицеры флотские, как Нахимов, Корнилов, Истомин и сотни их товарищей крейсировали день и ночь вдоль Кавказского побережья Черного моря, пресекая работоторговлю русскими людьми и горцами. В пору зрелости славянофилов даже во второй половине XIX века шайки степняков достигали Волги и русскими рабами были забыты Хива, Бухара, Коканд. Только человек глубоко не православный, может мечтать о единстве славян, не спросив католиков-славян, нуждаются ли они в таком экуменическом единстве.

Бисмарк во время русско-турецкой войны 1877-1878гг., увидев, как расходуется русская кровь за свободу «братушек», заметил с сарказмом: «Вся Болгария не стоит костей одного померанского гренадера». Россия положила за Болгарию двести тысяч русский гренадер. Потом Болгария будет враждовать и даже воевать с Россией и параноично вместе с освобожденной Румынией оспаривать у русских Босфор. Именно эта злокачественная тенденция сто лет отвлекала русское общество от ее задач в Сибири и на Тихом океане. Доведенный славянофильскими кликушами Император Александр II в сердцах отрезал: «Россия достаточно велика, чтобы оставаться русской, и не нуждается в том, чтобы стать славянской».

Образно поведение славянофилов, умело подстрекаемых, можно сравнить с поведением хозяина, за спиной которого, пылает собственный дом, а он мечется по двору и призывает соседей бежать тушить горящий на горизонте чужой дом. В этом есть некоторая патология, рожденная всемирной дурью, сравнимая только с евразийской блажью.

Только высшая власть и такие чуткие гении как Чехов прозревали роль Сибири в судьбах России. В 1890 году он писал Суворину из Благовещенска по пути на Сахалин: «Китайцы возьмут у нас Амур – это, несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например англичане... Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыли об Амуре. Не расчетливо, и не умно».

Заметим, попутно, что тот, кто владеет Амуром, владеет и Сибирью. А кто владеет Сибирью, тот владеет Россией и миром. Слышали ли вы за последние десять-пятнадцать лет от балаболов, которые называют себя политологами, или от депутатов суждения о нашей беспризорной границе, приглашающей к массовой экспансии перенаселенные соседние страны. Как бы приглашая к собственному удушению.

Может вы слышали от повернутых на криминале журналистов или от депутатов о пустующих берегах Отечества на востоке Сибири, где одуревшие от японских иномарок «черепковцы» во Владивостоке крушат кувалдами родные «жигули». Казалось бы, каждый день из года в год телевидение должно говорить о задачах России по обживанию и укреплению берегов Сибири, расположенных на Тихом океане – этом «новом Средиземном море человечества», на берегах которого расположены семь из десяти развитых экономических систем. Наши депутаты, политики, экономисты и политологи-болоболы никогда не повернуться сами лицом к Сибири, потому что они «кормятся» на Западе, так же как и их родители, которые ездили туда за сертификатами, а дети бегают за баксами.

Между тем Сибирь к русско-японской войне уже прочно осознавалась лучшими ее сынами как сердце России.

Местные патриоты-«областники», сторонники федерального управления Сибирью во главе с бывшим казачьим сотником Потаниным, втайне вынашивавшие «самостийность» чаще называли Сибирь «сердцем мира», не сочетая эти слова с Россией. Потанин был человеком энергичным, самоотверженным, разносторонне одаренным, но царбарческим, и потому с социалистическим «приветом» в голове. Социализм, по сути, есть форма самоуничтожения, и который, как и атеизм, есть верный признак прогрессирующего скрытого слабоумия и неминуемой деградации. Большевики застали престарелого Потанина в Томске во главе всесибирской Думы, но, вспомнив его разрушительные заслуги, не тронули старого материалиста, узнав в нем родственную душу. Не возраст преклонный Потанина остановил расстрельный зуд большевиков. Они, не задумываясь, убивали и 80-летних старцев. Так был в 1925 году, на Псковщине расстрелян у крыльца родного дома престарелый солдат генерал от инфантерий Куропаткин. Если бы в японскую войну Куропаткин действительно командовал бы бездарно, то большевики его пощадили бы. В 1937 году был убит больной старец на носилках, 80-летний митрополит Серафим (Чичагов). Эта фамилия имеет прямое отношение к нашей теме.

5. Последнее сражение равных

С именами отца и сына Чичаговых связано последнее морское сражение русского флота с равным по классу противником, а не с чалманосными моряками Порты. Случилось это в мае 1790 года на Ревельском рейде. Шведский флот серьезно угрожал Петербургу. Напряжение и тревога Государыни Екатерины II были так сильны, что в ночь перед баталией граф Безбородко в столице рыдал. Русской эскадрой из 10 кораблей командовал адмирал Василий Яковлевич Чичагов. В молодости капитан-командором, он на трех судах, по плану Ломоносова, пытался воплотить океанскую стратегию Петра I, и Северным морским путем пробиться к Японии и Китаю. Флагманским кораблем русской эскадры сто пушечным «Ростиславом» командовал сын адмирала, капитан второго ранга Павел Васильевич Чичагов. Последний приходится дедом митрополиту Серафиму Чичагову. Тогда на виду Ревеля тридцать шведских кораблей стали решительно спускаться на боевую линию русской эскадры, поставленной на шпринги для устойчивости и меткости огня. Шведы сошлись на картечный выстрел и стали в упор тридцатью кораблями расстреливать десять русских кораблей. Наши моряки приняли вызов и ответили яростным огнем. Шведам были нанесены тяжкие повреждения. Корабль «Ростислав» молодого Чичагова сбил стены 64 пушечного «Принца Карла», повредил ему такелаж и рули. «Принца Карла» стало сносить на русскую боевую линию под жерла пушек. Шведы спустили флаг. На «Принце Карле» было 520 человек команды. Кроме экипажа на борту шведского корабля находилось сто кирасир, двенадцать морских пехотинцев и шесть тысяч солдат десанта с провиантом на четыре месяца. На сдавшемся корабле было 65 убитых и одиннадцать раненых.

Императрица Екатерина II удостоила адмирала В.Я. Чичагова высшего российского ордена св. Апостола Андрея Первозванного. Подавая государыне указ на подпись, граф Безбородко заметил, что адмиралу Чичагову не на что будет купить новую андреевскую ленту, когда пожалованная состарится. Добавив, что кроме жалованья боевой адмирал никаких средств не имеет. Екатерина II пожаловала Василию Чичагову деревни в Могилевской губернии. Сын его, Павел Васильевич Чичагов удостоен ордена св. Георгия IV класса и звания капитана I ранга. Позже, мимо адмирала Чичагова-сына, в 1812 году на Березине проскользнет Наполеон Бонапарт. Последний не должен был кончить свои дни на острове святой Елены, а только в ссылке в Березове в Сибири.

В 1826 году, вице-адмирал А.С. Шишков в брошюре «Военные действия русского флота против шведского в 1788-1790 годах» писал: «Знаменитая поистине победа сия, одержанная 10-ю кораблями над флотом их сильнейшим есть паче особое Божеское благоволение...». Победа, бесспорно, доблестная над первоклассным противником. Но она была бы сверх доблестной, если бы вместо шведов были разгромлены англичане, сильнейшие на море. Только честный боец Нахимов после разгрома турок в Синопской бухте с горечью заметил: «Если бы не турки».

Цусиму от Ревельского рейда отделяют целых 115 лет. Больше столетия русские моряки не дрались с равными себе или сильнейшим противником. Больше столетия! Такие «каникулы» даром не проходят.

6. «Собрали тьмы своих полков»

После Петра I испостола и Отца Отечества ни один русский адмирал, за двести лет до Цусимы, не грезил устьем Темзы, между тем как сами сыны Альбиона, не раз крались к устью Невы, а во время русско-японской войны, как всегда помогали врагам России!

Русский флот не сумел достойно защитить тихоокеанский берег Сибири. Пусть боевые действия шли в Манчжурии, а морские бои в чужих водах, но битва шла за Сибирь и за Тихий океан. Именно русско-японская война была в действительности и Отечественной, и Священной, и самой важной для будущих судеб России. Наполеон, в любом случае, как пришел, так и ушел бы, как уходил из Германии, Австрии, Испании. Другое дело – угроза Азии. Уже во время «боксерского» восстания в Китае в 1900 году, мятежники с особым ожесточением вырезали именно россиян, Последние, в силу навеянной им слабоумной всемирности, были этим обстоятельством не отрезвлены, но озадачены. Незадолго перед этим философ Владимир Соловьев, с обостренным пророческим видением живший под жутким предчувствием страшной «желтой» опасности, страстно призывал к военно-духовной мобилизации. В 1894 году, в год восшествия на престол императора Николая II, Вл. Соловьев написал на эту тему знаменитое стихотворение, где предрекал, что враги у стен Китая «Собрали тьмы своих полков», «Как саранча неисчислимы и ненасытны, как она...».

*О Русь! Забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.*

Никогда в истории человечества, ни перед одним противником, не выростала более грозная, сплоченная и обстрелянная в боях армия, чем та, которая в 1945 году обрушилась на Квантунскую армию японцев. Порт-Артур, Цусима, Мукден были тысячекратно отомщены, и память о павших высветлена братьями.

Через десять лет отголосок желтой угрозы дал о себе знать на Западе. Историк В.И. Скопин в книге «Милитаризм» (1956г.) приводит следующее мнение натовского специалиста в 1955 году: «Кастекс, например, публикует статью «Москва – защита Европы против Пекина», где доказывает почетность и выгодность перехода советских вооруженных сил в лагерь людей белой расы против грядущей «желтой опасности Мао-Цзе-дуна». Там же Кастекс перечисляет все нашествия с Востока и подозрительные атомные усилия Китая.

Позже после боев на острове Даманском с китайцами и уже после Мао-Цзе-Дуна при реформаторе Дэн Сяопине Китай будут на том же Западе с восторгом называть 16-м членом НАТО и самым непримиримым.

К началу 80-х, во время великого Арганского похода, который показал всему миру, что лучше русского солдата еще никого в мире нет, там за Гиндукушем наши солдаты, по существу, скрестили оружие со всеми членами НАТО вместе взятыми в том числе с «16-м членом».

Тот Афганский поход был, как и японская война, битвой за сердце России – за Сибирь, которую извращенцы включают в Евразию. Между тем Сибирь – часть Святой Руси и лучшая и священная ее часть, омываемая двумя океанами.

С юга семь тысяч верст границы с перенаселенным Китаем. Рядом каменистая Гоби – древнее темя Азии тысячу лет выплескивала орды, докатывавшиеся до Рима и Дуная. Никто за столетия из русских художников и мыслителей не содрогнулся от страшного соседства. Только Никита Михалков в великом фильме «Урга. Территория любви» передал грозные предчувствия, на которые когда-то откликнулся страстный мистик и временный владыка Урги барон генерал Унгерн, потомок крестоносцев. Наши кинокритики, больные мелкотемьем и банальщиной не поняли духа фильма, о чем говорили и заголовки

статей: «Михалков, друг степей», «Большого режиссера потянуло в глубинку», «Степь, да степь кругом», «Зигзаг удачи монгольского излома». Ближе к теме кажется статья «Чтобы представить Россию Западом, Михалкову пришлось отступить к Востоку». Банальней и мельче всех оказались американцы. В своем прокате они «Ургу» переименовали в «Почти рай»...

Впрочем, ни один фильм или образ, созданные этим, несомненно, первым сегодня режиссером в мире, не были верно поняты. При внешней узнаваемости и простоте, смысл его работ ускользал от современников, как и творения родственного ему Чехова. Свет неуловимого такта и православия разлит в каждой строке Чехова, как и в кадрах и образах Михалкова. Крупнейшим до Михалкова русским режиссером XX столетия можно считать близкого ему по духу эпического сибиряка Ивана Пырьева, георгиевского кавалера Германской войны. Иван Пырьев с широчайшим регистром от «Свинарки и пастуха», «Трактористов» до «Кубанских казаков», «Идиота» Достоевского и «Сказание о земле сибирской» озвучил свою эпоху и подготовил «русский век» от 1941 по 1991 годы XX столетия.

«Ургу» Михалков создал в 1991 году в год «Беловежской бани» и конца русского века. Как ни странно Михалков более одинок, чем Пырьев. За спиной последнего стоял соавтор и сверх режиссер из Кремля – Сталин, который вернул русские Сахалин и Курилы. Именно Коба поставил победную точку в Цусимском бою, о чем он не забыл напомнить своим забывчивым поданным.

Предок Никиты Михалкова Иван Суриков вел свою родословную от сподвижников Ермака, которому Иван IV велел именоваться «не атаманом, но князем Сибирским». Генетическая память – вещь сверх могущественная. Суриков в Париже приходил на этюды в академию Колларосси, где расталкивал рисующих и занимал самое удобное место, приговаривая: «Же сюи Суриков – казак русс». Суриковы были в числе основателей Красноярска в 1622 году и столбовые казаки с Дона. Суриков говорил: «В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый». Василия Сурикова в Петербург учиться отправил золотопромышленник Кузнецов. С рыбным обозом Кузнецова и поехал Суриков в Академию художеств. То был декабрь 1868 года. «Огромных рыб везли: я на верху воза, на большом осетре сидел... Барабинская степь пошла. Едут там с одного извозничьего двора до другого. Когда запрягают, то ворота на запор. Готово. Ворота настезь. Лошади так и вылетят. В снежном клубе мчатся» – рассказывал позже Василий Иванович Суриков Максимилиану Волошину, – добавляя «Красноярцы сердцем яры». Суриков вырос в кондовой Сибири при староверческом укладе XVI-XVII веков. Семья Суриковых была богатая, атаманская, староверческая: «Там самый воздух казался старинным. Старый дом помню. Двор мощеный был. У нас тесанными бревнами дворы мостят. И иконы старые и костюмы. И сестры мои двоюродные – девушки совсем такие, как в былинах поется про двенадцать сестер. В девушках была красота особенная: древняя, русская. Сами крепкие, сильные. Волосы чудные. Все здоровьем дышало».

Четыре тысячи верст до Нижнего Новгорода проехал Суриков с обозом. Такой же путь с обозом в столицу проделал ранее другой казак Потанин.

В зрелости, в период жесткого жизненного кризиса именно Сибирь исцелит Сурикова. Все XX столетия Сибирь будет исцелять и спасать Россию. Сибирские полки не позволят японцам выиграть войну на суше. Дивизии сибирских стрелков вместе с казаками станут оплотом Русской Императорской армии в Германскую войну. Во время нашествия нацистов сибирские полки будут ставить против эсэсовских частей и на прорывы. Проект «Урало-Кузбасс» станет стержнем оборонной промышленности. Кузнецк. Созданный Бардиным, превзойдет Рур. Сибиряки спасут в 1941 году Москву, удержат Мамаев Курган и заслонят с моряками Питер. Словом вся современная, говорливая и суетливая демократия Евросоюза обязана своим существованием русскому народу и лучшей его части – сибирякам.

Вот за какую Сибирь воевали русские воины при Цусиме и на полях Манчжурии. Только безродный и беспутный отщепенец может с японским «правым рулем» и гнилью в

голове, называть Русский Восток – «Дальним Востоком», тем самым как бы отрезая от Сибири ее священные берега. Русско-японская война шла за Русский Восток, за Святую Сибирь. Не случайно Освальд Шпенглер в своей трагической книге «Закат Европы» свои последние надежды на спасение Европы связывал с «русско-сибирским культурно-историческим типом».

В чем же тайна Сибири, без которой нет России? Как понять пророческие предчувствия фильма «Урга»? Тема Сибири и сейчас, как во времена Цусимы должна быть ежедневной и ежечасной заботой Главы Государства, депутатов, Совета безопасности и каждого гражданина России.

Дело не в сырьевых ресурсах Сибири от пушнины до золота, алмазов, леса и нефти. Эти ресурсы уже четыреста лет обеспечивают России лидерство в войнах и в мирном созидании. Тайна всех тайн Сибири в ее людях и их врожденной предприимчивости, конкурентоспособности, и что особенно в духовном лидерстве и смелости. Сибиряки как бы сразу заявили миру:

«Благословенны отважные, ибо они наследуют землю».

Со всем казачеством Руси, образно произошло то же, что пережил в сердце Святой Сибири в Красноярске в родовом доме Суриковых потомок сподвижников Ермака, бесспорный князь русской культуры Никита Михалков. Он как-то решил переночевать в родовом гнезде Суриковых в крепком двухэтажном особняке. У Сурикова есть «Портрет атамана А.С. Сурикова», деда художника в черкеске с золотыми эполетами и высоким красным воротником. На этом портрете дед Сурикова вылитый Никита Михалков. Чудеса, да и только. Сам художник о детских годах сибирских вспоминал: «До пятидесятих годов девятнадцатого столетия всего было полно: и медведей полно, реки – рыбой, леса – дичью, земля – золотом. Какие рыбы были! Осетры да стерляди в сажень. Помню: их привезут, так в дверях прямо как солдаты стоят. Или я маленьким был, что они такими громадными казались»... Вот в этом доме, где когда-то осетры в дверях прямо как солдаты стояли, и решил переночевать Михалков. Для подлинного художника с развитой родовой памятью и чувством корней, это строгое испытание. Он рассказывал, что долго не мог заснуть. Черета предков с XVI века, с их яростной и неподкупной жизнью, проходила как бы перед ним и сурово вопрошала на верность роду. В ту ночь его пронзило как бы духовным током, и он в озарении почувствовал, что они позвали его и приняли в свой строй. Нечто подобное пережили за последние двадцать лет сотни тысяч казаков и казачек, разбросанных репрессиями, войной и лишениями по всей России и ощутивших властный зов отважных предков. Вот почему в России нет ни одного «ряженого» казака. Каждый надевший форму уже совершил духовный поступок – он поднял мундиром знамя – знамя казачества. Пусть он еще не соответствует высоким требованиям, которые мы предъявляем к казакам, но не к себе. Казак, надев мундир, уже как бы отсалютовал всем предкам на пограничной страже со времен Андрея Первозванного и «змиевых валов».

7. Апостолы войны и художники

Так «что же, – говоря словами Гоголя, – пророчит сей необъятный простор?», за который дрались русские воины на полях Манчжурии, недалеко от Угры, и в Цусимском проливе. Сибирь, как органичная часть Святой Руси и ее передний край имеет свои «границы и межи». Сибирь духовно-исторический континент, сложившийся в неразделимый и святой простор. Он ограничивает с юга Россию, казачьими линиями семи войск: Оренбургского, Яицкого, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. Это одновременно граница русской пашни. Враги Бога и Руси откусывали от Сибири под лживыми предложениями ее исторические земли. Нечестивыми указами ГУЛАГовских властей к Уралу стали относить не только Оренбуржье, но даже Тюмень и Тобольск. Яицкое войско вместе с Семиреченским, полностью насильно внесли в Казахстан, вместе со степным краем Сибирского войска. Для надругательства постепенно внедрились понятия «Дальний Восток» вместо «Русский Восток». Туда же незаметно стали приписывать кондовые сибирские земли: Камчатку, Магадан и Охотское побережье. Приморье наводнили праворульными поношенными японскими иномарками, что стало продолжением Цусимы. Все иномарки стоило бы называть не «тойоты», а «цусима». Не зря рабочие русских автогигантов в Нижнем Новгороде и Тольятти выходили на демонстрацию под лозунгом «Купил японку – продал Родину». Автомобиль, кстати, таинственное изделие. Человек за рулем иномарки, несомненно, мистически отрывается от почвы и глупеет. Свидетельство тому – дурдом, который устроили во Владивостоке праворульные «черепковцы». Законченная стадия деградации, когда жители святых рубежей Русского Востока употребляют идиотское выражение «Сибирь и Дальний Восток». Так люди собственными руками расчленили и уничтожили свою Родину. Потом правый руль, квадратные метры в типовом термитнике и один ребенок в семье – идеал эмансипушки. Словом: «Приходите и владейте нами».

Итак, мы очертили незыблемые границы Сибири, как их понимали сибиряки, казаки, церковь и царь. Означенные границы совпадают с границами епархий Русской Православной Церкви, освоенных крестом, плугом и казачьей шашкой.

Вопреки прожорливой казенной казне главный ресурс Сибири с первого часа, с ермаковской дружины – это сами сибиряки. Больше столетия клеветники России изображали Российскую империю «тюрьмой народов», а Сибирь – краем каторги. Ни одного дня своей истории, Сибирь не была каторгой, ибо здесь всегда властвовал вольный и предприимчивый сибиряк. Наш Суриков говорил: «Идеалов исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства. Она же мне дала дух и силу, и здоровье».

Казаки в степном крае, буряты в Забайкалье, улчи на Амуре, якуты на Лене сразу постигли, что с приходом русских, пришел народ, которого не было до сих пор, народ, которого ждут веками.

Перед Первой Мировой войной, на которой всемирно прославятся сибирские стрелки, русских в Сибири было 98 процентов. Их количество превышало даже численность русских в средней полосе России.

Сибиряки уже перед японской войной были не просто отборной частью русского народа, но скорее «племенным ядром» этноса, говоря языком селекционеров. Ядро для этноса, как сердце в человеке. Благодаря высокому качеству оно обеспечивает иммунную безопасность и перекачивает чистую кровь всему организму. Здесь доминанта не в количестве, а в силе и качестве ядра. Кто же сформировал это ядро, которое не раз спасало русские армии в Манчжурии.

Основали Сибирь казаки и люди Русского севера. Через полтора столетия сюда поколение за поколением устремлялись русские староверы. Они во многом определили характер сибиряка. Староверы перед японской войной выделялись даже среди сибиряков своей особой породой. Они были в среднем выше ростом, чем прочие русские, сухопары, лишены вялости, серолазы, зорки и верны древнему православию.

Первейшее качество сибиряка – это духовное напряжение и полное отсутствие провинциальности. В любой сибирской деревне на московском тракте вы чувствуете себя в столице. Так проявляет себя «племенное ядро». Сибирь давала не только лучших бойцов, но вообще выставляла на общерусскую сцену людей высокой качества. Только за полвека после преставления св. митрополита Св. Филарета (Дроздова) святительскую кафедру в Москве занимали два сибиряка, два духовных богатыря, два апостола, причисленных к лику святых – это митрополиты Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Невский). Третьим духовным богатырем можно назвать сибиряка Григория Распутина, опору царской семьи и целителя Цесаревича. Распутин был оклеветан и убит. Под видом старца бражничали и распутничали нанятые двойники. Непреодолимую духовную силу Распутина чувствовали все, кто с ним сталкивался. Истоки этой силы в той же Сибири. Она дает неожиданные всплески.

Бойцом номер один среди всех воинов Отечественной войны считается летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин из Новосибирска – столицы Сибири. Я бы первое-второе место поделил бы между Покрышкиным и защитником Сталинграда капитаном Недорубовым, донским казаком, удостоенным четырех Георгиевских крестов и Звезды Героя Советского Союза. Попробуйте найти его портрет в Сталинградской панораме на Мамаевом кургане после 1991 года.

Кажется, только на Сибирской равнине, под великим небом мог строитель элеваторов инженер Кондратюк, бывший белый офицер Шаргей (по матери Шлиппенбах) написать и издать за свой счет в 20-х годах книгу о межзвездных полетах. Юрий Кондратюк строил на Великой Сибирской равнине из дерева гигантский элеватор без единого гвоздя. То были 20-е годы, когда офицеры нередко ходили в лаптях, а одна, две ложки приходились на взвод. Гвоздей не было, они пребывали в страшном дефиците. Потому бывший белый офицер Юрий Шаргей отважно возводил на Сибирских просторах новые «Кизи» – только более грандиозные. Неуловимо-дворянская манера держаться раздражала службистов из ОГПУ и партийных выдвиженцев. Юрия Васильевича арестовали и пытали. Творение без гвоздей им казалось вредительством. Кондратюка пытали в «тюрьме» (т.е. в тюремном подвале) и выбили ему все передние зубы. Выйдя на свободу, он в 1929 году, ему было 32 года, издал в Новосибирске книгу «Завоевание межпланетных пространств». О нем говорили, что даже днем у него светились глаза, как фонари. Королев предложил ему сотрудничество, но Кондратюк отказался. Он боялся что узнают, что он белый офицер Шаргей. Королев после пыток до конца жизни не мог из-за увечий в «тюрьме» поднимать голову и смотреть в небо. Кондратюк в 1941 году ушел в ополчение и больше его никто не видел. Оба они как мужи их поколения при любых обстоятельствах продолжали служить России. Американцы сели на Луну по «трассе Кондратюка», а книжка его бережно хранится в библиотеке конгресса США.

Сибирь становилась не только родиной апостолов-миссионеров, и талантливейшего русского живописца, казака Сурикова, но и самых крупных в истории России промышленников меценатов. Золотопромышленники Серебряков и Сидоров отдали гигантские суммы на освоение Северного Морского пути. Сидоров отдал на Севморпуть практически все свое состояние в один миллион семьсот тысяч рублей золотом. Фантастический по любым временам вклад.

Особое место в этом богатырском строю заняли писатели и поэты. В период руководства Союзом писателей сибиряка Георгия Маркова в литературе заявили о себе сибиряки Шукшин, Астафьев, Залыгин, Распутин, Чивилихин, Василий Федоров, Анатолий Иванов, Куваев, Соболев, Вампилов, Вячеслав Шугаев. Как видите, все имена из первого ряда. Но есть замолченное имя сибирского казака с Алтая, которое по художественной мощи и державной широте, быть может, превосходит все перечисленные имена. Речь идет о Георгии Гребенщикове, который был соперником Бунина при выдвижении на Нобелевскую премию по литературе. Первые рассказы Гребенщикова вышли в 1907 году в Семипалатинской газете. Он редактировал ряд сибирских газет, в том числе «Омское время» и «Из жизни Алтая». Там же, в Семипалатинске, где у Достоевского в ссылке

родились сюжеты почти всех его великих романов, Гребенщиков издал в 1922 году сборник рассказов «Отголоски сибирских окраин». Вячеслав Шишков, с которым Гребенщиков был дружен, писал о нем в письме за 1916 год: «Я перед ним такая маленькая шавка, что ужаси».

В 1920 году Гребенщиков эмигрировал из Крыма во время «Белого Исхода». Расцвет его дарования пришелся на окаянное время. В 1926 году комитет интеллектуальной кооперации при Лиге Наций признал три тома романа Гребенщикова «Чураевы» выдающимся произведением мировой литературы. Семитомная семейная хроника «Чураевы» стала любимым чтением всей русской эмиграции на всех континентах. «Чураевы» вышли впервые в 1921 году в Париже. Гребенщиков и в эмиграции остается верным родному краю и печатается в Праге в газете «Вольная Сибирь». Издавали ее последователи Потанина, в числе коих был и Гребенщиков, который уверовал в то, что Сибирь является сердцем России и мира. В Соединенных штатах Гребенщиков даже создал поселок «Чураевка», как сибирский очаг. В Харбине появилась группа преданных творчеству Гребенщикова под именем «Молодая Чураевка». Гребенщиков снял свою кандидатуру на Нобелевскую премию в пользу Ивана Бунина. По духовной стратегии Гребенщиков превосходил всех русских писателей и выдвинул единственно верную и православную парадигму всей русской литературы и культуры, которая совпадает с миссией Великого Петра в мире. Гребенщиков предлагал вещий путь:

«Разрушить пагубный пессимизм российской литературы, которая, по моему глубокому убеждению, накликала на нашу общую судьбу множество совершенных несчастий». (разр. автора – К.Р.) Последние добрые слова о Гребенщикове, увы, очень редкие у нас, опубликовал замечательный журнал «Тобольск и вся Сибирь» в номере, посвященном четырехсотлетию Томска. Новая парадигма русской культуры и жизни, которую сформулировал Гребенщиков против «разрушительно пагубного пессимизма» еще не нашла отклика в сердцах и умах российских писателей.

Вне этой парадигмы у нас нет будущего, а есть только вымирание.

Сегодня в нашей литературе парадигму Гребенщикова, выстраданную двумя веками после победных кантов Петра и до сражений, душой которых явился новый «кант» – «Врагу не сдается наш гордый варяг», эту победную парадигму Христа; каждой книгой и каждым номером газет «День» и «Завтра» воплощает Александр Проханов. Он живет в политических обстоятельствах последних десятилетий, как чистый художник. Каждая его строка и поступок пронизаны скрытым эстетизмом и открыты для мистики. В этой связи вспоминается оценка, данная Альбером Камю своей публицистике: «мое священное ремесло».

Ни один деятель в нашей истории, подобно Проханову, не сумел создать и победно удержать собственный проект-издание, наперекор обстоятельствам смутного и мародерского времени. Газета Проханова «День» – «Завтра» самое выдающееся явление в истории европейской периодики. Это особенно наглядно на фоне тотального рыночного самоосквернения всей «либеральной» печати.

Лучшую газету Европы до 1917 года создал друг Чехова Суворин, писатель, общественный деятель и как теперь говорят «бизнесмен». Суворин был выходцем из однодворцев, стало быть, из среды наибеднейшего дворянства, у которых кроме одного своего двора ничего и не было.

Национально-консервативная газета Суворина непрерывно была в конкурентной борьбе все газеты толстосумов-либералов, приводя их в отчаяние. К Суворину сходились лучшие и честнейшие перья России. Труды его авторов Чехова, Меньшикова, Розанова и великого историка Ивана Забелина мы и сейчас издаем том за томом.

Справедливость требует признать, что Проханов своей газетой превзошел даже «Новое время» Суворина. Последний действовал все-таки при благословенном царизме и тысячелетних устоях, а не при уголовно-изуверской постперестроечной эпохе.

Прохановская «Завтра» делается перьями его сотрудников, молодых писателей и в целом писательская и по честности, народному сопереживанию, искренности и

наступательности бесспорно лучшая газета России и Европы, набитой жующими импотентами.

Редакционные эссе Проханова – новый жанр и эти невиданные филиппики следует отнести к высокой прозе, близкой к саге. В них, как и в жизни, Проханов неповторимый художник, обладающий разящим эстетическим оружием. Александр Проханов из плеяды «побеждающих», которые являются в мир с миссией утешения и надежды в шаткие дни безвременья.

О чем думают и что говорят такие художники, как Никита Михалков и Александр Проханов или такие солдаты, как генерал армии Андрей Николаев, ответственный секретарь Морской коллегии при правительстве, и Николай Панков, отвечающий за офицерские кадры и воспитание в Вооруженных Силах, важнее для государства, чем годовые дебаты всех палат Федерального собрания.

Родственной им по парадигме миссией явился, поистине, великий мореплаватель Федор Конюхов, выпускник православной семинарии. Он год за годом каждой кругосветкой воплощает политическую океанскую доминанту Великого Петра, чтобы русский народ-моряк не забыл своей миссии на земле. Четыре одиночные кругосветки за четырнадцать океанных лет, походы к полюсам земли, покорение главных вершин планеты, гонки на собачьих упряжках. Ни одному человеку в истории не удавалось сделать то, что уже совершил Федор Конюхов. Казалось, он не должен был бы сходить с наших экранов. Но вместо этого мы видим, как трясут дряблым жиром на футбольных полях пожилые депутаты. Конюхов своим океанским пустынножительством утверждает неистребимость и величие родного народа, который обязан достигнуть за два поколения численности в 450 миллионов человек, как ему предрекали, в канун 1917 года. Этим здоровых и смелых русских миллионов ждет Сибирь, за которую в японскую войну отдавали свои жизни солдаты, моряки и казаки.

Из такой же плеяды победителей Верховный атаман Александр Мартынов, который уже 15 лет созывает, удерживает и возрождает казачество, древнюю пограничную стражу Руси – этих рыцарей Пояса Богородицы, как в народе называли границу Отечества. С толпами эпохи безвременья и испытания являются помимо лучшего в мире режиссера Никиты Михалкова и выходец из казачьего рода писатель и богатырь полковник Юрий Власов и деятельный Нобелевский лауреат, академик Алферов. Недавно покинули нас такие богатыри духа, как композитор Свиридов, великий филолог и лексикограф, академик Трубачев и митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, чей род триста лет поставлял России добрых священнослужителей. А это только первая шеренга русской дружины, которая войну за Сибирь в 1904-1905 годах воспринимала, как свое кровное дело.

8. «Сибирская Иллиада» Васильева

Наивысшим подтверждением того, что Сибирь стала сердцем России, явилось явление, может быть, крупнейшего поэта после Пушкина сибиряка Павла Васильева. Чтобы полностью осмыслить взрыв такой «сверхновой» как Павел Васильев необходимо духовное напряжение, отбрасывание коросты салонных штампов и верность парадигме, которую сформулировал Гребенщиков. Во всяком случае, в XX столетии рядом с Павлом Васильевым некого поставить даже помня о Есенине, Блоке или несчастном горлопане Маяковском. Павел Васильев своей «Песней о гибели казачьего войска» грозился вырасти до поэта гомеровского типа и создать «казачью Иллиаду». Он не скрывал сам, что ему нет на Руси равных и готов был жизнью заплатить за эту шкалу. «Песнь о гибели казачьего войска» правомерно сопоставляли с «Тихим Доном» другого казака – Шолохова.

Поэт Сергей Клычков говорил, показывая на Павла Васильева: «Вот все, что у нас осталось от царской России». В марте 1932 года зампред ОГПУ Г. Ягода подписал приказ об аресте 22-летнего поэта Павла Васильева и его сибирских друзей-земляков в Москве. В их числе были поэты: Николай Анов, Евгений Забелин, Сергей Марков, Леонид Мартынов – всего, кажется, одиннадцать человек. Эта «антисоветская группа сибиряков», дескать, еще в 1928 году сплотилась в «сибирскую бригаду» в Новосибирске (быв. Новониколаевск) с целью создания «Независимой Белой Сибири».

В 1935 году Павел Васильев арестован вновь и эпатирован в Рязань. Здесь в тюрьме он напишет поэму «Христоробовские ситцы». Пастернак признается, что он ночами читал эту поэму и плакал. Слава Павла Васильева была шумной и порой скандальной. Синеокий поэт из Семиречья, стройный, с необыкновенно длинными, нервными пальцами и кудрявой копной выплескивал нечеловеческое напряжение эпохи, токи которой он пропускал через сердце в гениальных стихах и бешеных потасовках. Значение скандалов стократно преувеличивали. Сам Павел сказал об этом: «Принимаю звание громы, если рокот гуслей – это гром». В его поэме «Кулаки» есть строка: «Звезды Семиречья шли над нами». Столицей Семиреченских казаков был город Верный (Алма-Ата), основанный дедом генерала Карбышева. Звезды Семиречья никогда не покидали до смертного часа духовный небосклон Павла Васильева. Ни у одного поэта России нет такого расплавленного огня и силы в строках. Вот из стихотворения «Август»

За кровь – руду, за долгий сытый рев
Туч земляных, за смертные покосы,
За птиц, летящих на добычу косо,
И за страну, где миллион дворов
Родит и пестует ребят светловолосых.

В 1926 году ОГПУ захватило атамана Семиреченского войска генерала Анненкова, потомственного дворянина, и летом следующего года судило его в Семипалатинске. Отец Павла служил в войске Анненкова. Во время суда Павлу 17 лет, но он уже сложившийся Павел Васильев. Гибель казачьего войска сформировала его душу. Все помнили, что это тот Анненков, который с тайной организацией офицеров силой увез из Омского собора святое знамя Ермака. Сибирских поэтов ОГПУ еще в 1932 году окрестило «сибирской бригадой», потому что все еще было под впечатлением боевой славы сверх доблестной казачьей Сибирской бригады на Кавказском фронте, ядром которой был Ермака Тимофеевича казачий полк. Для следователей Сибирская бригада казаков была символом пугающей неистребимой рыцарственной русскости. Сибирские поэты были под обаянием и адмирала Колчака, кстати, казака по отцу и по матери. Большинство стихотворений Павла Васильева опубликовано только через тридцать лет, после его гибели. Первую книгу о нем «Русский беркут» написал Сергей Куняев. Книга не просто точная и хорошая, книга С. Куняева прямо блистательна по талантливому новаторскому разрешению сложнейших событий жизни поэта.

Поэт не может быть «крестьянским», ни при каких обстоятельствах, как писатель не может быть «деревенским». Когда хотят убить какое-либо явление, то к нему привешивают невинное на вид уточнение. Педагогика всеобъемлющее понятие. Чтобы педагогику пришить к ней добавляют словечко. Например «педагогика сотрудничества». А ребенку сотрудник не нужен, а только наставник. Чтобы стереть такое сверхобъемлющее явление как «Богословие» к нему привешивают «Богословие освобождения». И нет ни Богословия, ни освобождения. То же с поэзией. Или она есть, или ее нет. Но если поэзия «крестьянская», то нет ни поэзии, ни крестьянства.

Для того и приходят в мир такие художники, как Павел Васильев, чтобы разнести все перегородки и придуманный «серебряный век», чтобы вывести вновь поэзию на столбовую дорогу духа.

Пострадала «Сибирская бригада поэтов». Евгений Забелин умер на Колыме в 1943 году. Но убьют только великого Павла Васильева в 1937 году. Он прожил только 27 лет на земле в жуткое время, но держался всегда «как власть имеющий». В нем не было и тысячной доли молекулы от декадана. Ему привешивали суетливые критики в учителя то Есенина, то салонно-фольклорного Клюева, но он стоит одиноким исполином в сердце России среди сибирских равнин. Родину свою описал в строках:

*В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.*

*На косых путях мороза,
Ни огня, ни дыму нет.
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.*

*Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя огонь еще:
В темном золоте светлица
Синий свет в снях толпиться,
Дышат шубы горячо.*

В 1926 году сотрудники ГПУ выкрали из Китая атамана Анненкова и привезли в Семипалатинск. Там же, на следующий год беспощадного атамана судили. Станицы Семиречья гудели пересудами. Павлу Васильеву 17 лет. На следующий год в Новосибирске (вчерашем Новониколаевске) он читает величайшую поэму XX столетия «Песнь о гибели казачьего войска». Он уже успел побывать во Владивостоке. Павел Васильев духовным взором видит трагедию всех казачьих войск. Ему восемнадцать лет. Но он уже убеждает друзей, что станет первым поэтом страны, а стал уже первым поэтом Европы. В нем клоочет огненный «буслаевский дух» человека, которому по плечу поэтическое былинное богатырство. Павел Васильев знает, что «Песнь о гибели казачьего войска» это только заповед будущей «казачьей Иллиады». Такого поэта еще не рождала русская земля. Влияние его на современников было ошеломляющим. Поэтический внутренний огонь обжигал его собеседников. Вера Инбер, племянница Троцкого шептала подруге о Павле в сладком ужасе: «В роду у него двенадцать есаулов».

В поэме «Соляной бунт» Павел Васильев приблизился к эпосу с его бесстрашностью и силой превышающей добро и зло. В «Соляном бунте» он, единственный русский поэт, который как равному и родному по духу, прямо протягивает руку автору «Слова о полку Игореве». Поэма «Соляной бунт» и потом «Кулаки» на грани дерзкого вызова ГПУ. Друзья

боялись за Павла. Васильев готовил поэму о походе атамана Платова в Индию, за который рыцарственный император Павел поплатился жизнью.

В поэме «Кулаки» Павел Васильев грозный антипод певца босяков буревестника Гулага Максима Горького. Павел за хозяина, за сильного крестьянина, за победную кулацкую Русь. Словотворчество великого русского языка не создало слова прекраснее, чем державное слово «кулак». Горький, как известно, ненавидел крестьянство и мгновенно распознал врага в Павле Васильеве. Такой могущественный враг по тем времена, был синонимом смерти и выстрела в «тюроде».

Павел Васильев явился выразителем тысячелетней всеобщей целостности Руси.

*На буграх прииртышских поджарые кони паслись.
Этих лыцарей с Яика, этих малиновых шапок,
Этих сабель свирепых и длинных пицалей,
И в Тоболе остались широкие крылья знамен,
Обгоревшие крылья, которыми битва махала.*

Вся будущность России зависит сегодня от того, сможет ли общество возрасти до духовного задания, пророчески выраженного песнями Павла Васильева, который себя самого изобразил в образе Игната Христоролюбова. Сибирь и казачьи земли от Дона до Оренбуржья и далее до океана, и, прежде всего, Сибирь и есть сердце России. Столица ее Новосибирск. Павел Васильев – сердце Сибири и России. В каждой его строке запряваны мегатонны поэтического заряда. Пусть меня простят начитанные эстеты, носители стереотипов, но по духовной качественности, как представитель казачества и как художник, Павел Васильев крупнее Шолохова. Ему, Павлу Васильеву, потомку семиреченских есаулов трижды заточенному в тюрьму и в 27 лет умученному в «тюроде» нет равных во всей русской культуре.

Такова Сибирь и ее сыновья. Вот почему именно Дон и Сибирь стали полем исторического поприща племенного ядра русского народа, т.е. отборной и победной его части.

9. «Свет мал – Россия велика»

Вот за эту Сибирь, за древнее былинное сердце России дрались русские воины в Японскую войну. Без Сибири невозможно понять Цусимы. Читатель может подумать, что мы забыли о Цусиме. Напротив, мы ближе к ней как никогда. Да и сама Цусима нас не отпускает и уже сотрясает Сибирь миграциями. Цусима, кроме того, стала для нас символом нерасторопности, вялости, отсутствия разведки, глазомера, символом глуповатого незнания соседей и непонимания угроз с их стороны. Нам нужна новая духовная мобилизация, знания всех своих ресурсов, непрерывный обмен знаниями и любовь к самоорганизации. Мы и через сто лет после Цусимы не знаем границ Сибири, не имеем дорог в ней, не думаем о границе и роли казачества.

Мы двести лет для войн выбирали не сильнейшего противника, как это 400 лет делали англичане, а слабейшего, пока не пришли к деградации.

Теперь каждый должен сам выбрать для себя «сухой закон», поклоняться культу семьи и по примеру последнего царя иметь не менее пяти детей. Моральный долг России перед всем миром довести к 2050 году свою численность до 450 миллионов человек. Только тогда Господь позволит каяться за цареубийство, смуту 1917 года и Гулаг. Высокое деторождение есть наиболее угодный Богу акт покаяния, возрождения и силы Православной Руси. Численность в 450-500 миллионов русских позволили бы Сибири окончательно утвердиться в качестве сердца России и мира, и придать этому миру силу и устойчивость, став его стержнем.

***

Первым из русских писателей, которых мы относим к плеяде классиков, появился на Тихоокеанском берегу Сибири в 1855 году. Романы «Обломов» и «Обрыв» еще им не написаны. На фрегате «Паллада» Гончаров совершил кругосветное плавание и в том же 1855 году приступил к написанию своего выдающегося труда «Фрегат Паллада», который можно отнести к высокой прозе, до сих пор по достоинству не оцененной. Общество дошло до такой степени слабоумия, когда литературой стали считать только биллитразорванный вымысел, который именуют «художественным». До сих пор любой слюнявый вымысел в «толстых» литературных журналах набирают крупным шрифтом, а историко-философские очерки русских мыслителей идут презрительным петитом.

На том же фрегате «Паллада» плыл адмирал Путятин, который преступно-бессмысленно уступил Курильские острова японцам, у которых не было тогда ни одного военного корабля. Перед этим на тихоокеанских берегах Сибири прославились флотские офицеры во главе с капитаном I ранга Невельским, окончательно закрепившим за Россией Сахалин и Приморье. Почти все офицеры-сподвижники Невельского станут адмиралами. То же можно сказать об офицерах фрегата «Паллада», завоевавших общерусскую славу.

Иван Гончаров сухим путем через Сибирь вернулся в Петербург.

На фрегате «Паллада» Гончаров описал многозначительные сцены за полвека до Цусимы.

Матрос Фадеев, человек умный и сильный, с которым Гончаров любил беседовать, узнав, что их фрегат проплыл большую часть света, вновь пристал к родным берегам, воскликнул:

«Свет мал, а Россия велика!»

Фрегат «Паллада» побывал в Японии. Там матрос Фадеев, показывая на японцев, спросил Ивана Александровича, имея в виду возможное военное столкновение с Японией:

– Если б пришлось драться с ними, неужели нам ружья дадут?

– А как же?

– По лопарю бы довольно.

«Лопарь» – род морского каната. Видимо японцы не отвечали русскому понятию богатырства и порождали подобную добродушную снисходительность.

Между тем, ко времени фрегата «Паллада», в изолированной от мира Японии, уже два века шло бурное развитие религиозно-философских школ доказывавших превосходство Японии над всеми странами мира. Мотоори Норинага развил в XVIII веке собственную систему, в которой доказывал главенство исконно японской религии синтоизма над христианством, буддизмом и исламом и всеми другими племенными верованиями. Синтоизм он провозглашал сверхрелигией. Он доказывал: коли Япония дала миру Бога Солнца Аматэрасу-омиками – прямого предка японских императоров, это дает Японии право господствовать над всеми народами «пользующимися благами жизни, дарующими солнцем». Его ученик Хирата Ацутанэ в начале XIX века, в пору юности Гончарова отшлифовал учение своего учителя Наринаги и доказывал неотвратимость подчинения Японии всех стран в силу божественного происхождения японской нации и ее императора. Современник Гончарова Куроки предрекал, что «История Японии станет мировой историей».

Война с Россией в 1904-1906 гг. должна была стать первой страницей этой новой мировой истории и торжества японизма – «кокугаку» – провозглашающей «культуру Солнца».

Во времена Гончарова Япония еще была закрыта для иностранцев и соблюдала строгую самоизоляцию от испорченного и деградирующего мира.

В те же дни американский капитан Пирри на свой ковбойский манер несколькими залпами картечи по Нагасаки «открыл» силой Японию для янки. Именно в эти дни мы «открыли» Японию на свой манер со слабыми коленками адмирала Путятин. Вместо картечи, мы со смятой душой, поддавшись легкому шантажу японцев, уступили им собственные Курилы, отрезав себя от мирового океана. Вскоре мы отдадим и Аляску с Алеутами. Как видите, цусимское сражение мы проиграли за полвека до падения Порт-Артура, а все потому, что позволили людям с дегенеративной психикой призывать «Русь к топору» и умильно всхлипывая воспевать государственных преступников «декабристов», – предтечь Гулага.

Там же во «фрегате «Паллада» Гончаров приводит подслушанный им любопытный разговор между простыми русскими матросами, характеризующий народно-психологические умонастроения тех лет.

Матросы, наблюдающие за действиями корейских рыбаков в грязно-белых халатах, надетых на такие же куртки, обмениваются беззлобными замечаниями.

– Хуже Литвы, – говорит один матрос.

– Чего Литвы? Хуже черкес! – возразил другой, – этакая, подумаешь, нация...

Недавно в органе национально-консервативной партии «Традиционалист», ее председатель Сергей Лыкошин, привел слова Ивана Гончарова, этого не понятого до сих пор замолчанного духовного исполина:

«Всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан – есть преступник, даже и с космополитической точки зрения! Он то же, что беглый солдат! Вот почему патриотизм – не только высокое, священное чувство и долг, но он есть – и практический принцип, который должен быть присущ каждому члену благоустроенного общества, народа государства!

Надо прежде делать для своего народа, потом для человечества».

Иван Александрович Гончаров ушел из жизни в 1891 году. Фрегат «Паллада», в связи с обстоятельствами Крымской войны был заведен в Императорскую гавань. Там он и затонул от старости, как это у нас водится. То был еще один проигранный раунд Цусимского боя. Но провидению было угодно, чтобы в год смерти Гончарова, к тем же сибирским берегам на рейде Владивостока, бросил якорь другой фрегат. То был полуброненосный фрегат «Память Азова», на котором совершал кругосветку Цесаревич Николай Александрович. Во Владивостоке он заложит камень в основание вокзала станции будущего Великого рельсового пути – Транссиб. В Японии Цесаревич будет ранен в голову палашом японского фанатика-националиста. Это 1991 год – и уже слышны отдаленные раскаты будущей Цусимы. Накануне войны, наш военный атташе слышал, как японский

офицер объяснял европейцу, что они сначала разобьют Россию, а затем примутся за Германию. Их задача: сокрушить сильнейшие военные державы мира. Наше общество в это время с безумным ликованием рукоплескала очередному бомбисту-убийце.

В том же 1991 году к Приморью приближался Антон Чехов, который совершит свою «кругосветку», начав ее впервые в русской истории не из Кронштадта или Одессы, а из Петербурга на перекладных, через всю Сибирь. Цесаревич и Чехов не встретились в пути. Позже в 1899 году появится указ Императора:

«Божею Милостию, Мы Николай Второй. Императоръ и Самодержецъ Всероссійский, Царь Польский, Великий Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Потомственному дворянину... Антону Чехову, в 6-й ден декабря 1899 года Всемилостливейше пожаловали Мы Вас Кавалеромъ Императорского и Царского Ордена Нашего, Святого Станислава третьей степени».

Крайне важно для нас, что Чехов был из потомственных дворян, что тщательно скрывалось. Не последнее значение имеет для образа писателя то, что Чехов был высокого роста. О таком дворянине уместно было бы заметить: «К походу вашей, рыцарь, подошел бы длинный меч». Чехов, единственный наш писатель, избежавший сплетен, деклараций, скандалов, амбиций. Эта скромность, которую в церкви именуют «смирением», было таинственным и непостижимым богатством Чехова, как и его творчество.

Чехов был, поистине, царем русской культуры и неузнанным ее вождем. Тайна его величия, помимо всех прочих качеств, коренится в его знании, что убийство – это признак бездарности, как и всякое насилие. Этим таинственным знанием пронизано его творчество. Ни один писатель в мире не смог постигнуть этого христоролюбивого чеховского начала. Насилия, убийства, секс и криминал, заполнившие газеты, книги и экран, признак того, что все поры культуры забиты бездарями и мошенниками.

Чехов не встретился в Сибири с Цесаревичем, но вряд ли на свете были еще люди так глубоко схожие по простоте и величию, как дворянин Антон Чехов и Первый дворянин Николай II Александрович.

Майским днем 1991 года под пологом леса на окраине Владивостока, после прощаний в путь через Сибирь тронулась коляска Цесаревича, увитая ландышами в сопровождении сотни уссурийских казаков.

Казачья сотня с благоговением сопровождала своего юного Августейшего Атамана. Коляска-Цесаревича в ландышах и сотня казаков конвоя – это одна из самых светлых и волнующих сцен тысячелетней русской истории. В следующей станице произошла не менее волнующая сцена. В станичный собор скромный и светлый Цесаревич прошел по головным платкам, устланным к ногам Августейшего Атамана казачками.

Странно, что подобные сцены не стали сюжетами сотен полотен для живописцев.

Цусима стала подарком судьбы русскому народу. Он стряхнул с себя оцепенение и создал могучий флот. Линейные корабли советского флота до 1945 года на все сто процентов были построены царским правительством после Цусимы.

Теперь, прежде чем взяться за программу доведения численности России до 400-450 миллионов человек, мы должны набраться мудрости и мужества и признать, что пьяный сговор в Беловежской бане 1991 года был подарком судьбы и особым проявлением любви Бога к России, после понесенных столетних жертв, и он, этот сговор, и расчленение России, призывают нас к невиданной духовной мобилизации, самоорганизации и непрерывной наступательности. До прихода русских войск Петра I в Ригу и Ревель (Таллин), ни один коренной житель за ровно 500 лет не имел права не только жить, но даже ночевать в этих германских городах, живших по магдебургскому праву. Русские распахнули для латышей и эстонцев ворота. Это благодеяние не осталось безнаказанным.

Грузия вымолила у России право присоединиться к российской империи. Ко времени присоединения в Карталинии и Кахетии оставалось 30 тысяч грузинских семей. Их всех сегодня можно было бы разместить в Лужниках. Исчезновение грузин с лица земли и исламизация их остатков были неотвратимы. Благодарность налицо.

Крым с Ливадийским дворцом святой Царской семьи Севастополь – абсолютные святыни Руси. Мы должны благословлять пьяную Беловежскую баню и за то, что она заставила нас вспомнить о бессмертных казачьих войсках – «Прияцких лыцарей» и о доблестном Семиреченском войске, о миллионах русских, отрезанных гулаговцами от матушки-России. Россия обязана перед Богом никогда не оставлять Крыма. Севастополь можно уступить только когда падет Москва. Россия должна волей и духом присутствовать в Новороссийском крае, политом русской кровью. Восточная и Южная Украина – край неразрывного братства и вечного единства. Чтобы оранжевая майдановщина, беременная мазеповщиной, улетучилась, надо дать Украине протрезветь. Как ни парадоксально, но мы должны отвернуться от Украины и свернуть до мельчайшего минимума все связи.

С Украиной, как она есть, т.е. скрытым мазеповским зудом, России никогда не возродиться.

При Советской власти 95 процентов серьезной науки приходилось на Россию (РСФСР). Оставшиеся пять процентов разделите на все остальные республиканские академии и вы поймете каким европейским захолустьем, наподобие большой Молдавии станет завтра Украина Ющенко – Тимошенко.

Уже не одно десятилетие происходит математизация наук. Сама математика переживает алгебраизацию т.е. высшую стадию развития, которая зиждется на математической логике. Математика – эталон интеллектуальной культуры нации. Нам известны пол дюжины математиков мирового класса из Грузии, это: Марджанишвили, Векуа, Мухелишвили, Купрадзе, Бицадзе, Гамкрелидзе – все академики и чистые математики с мировым именем. Но на ум не приходит ни один математик мирового класса из коренных жителей Украины и особенно «западэнцев», как, впрочем, не вспоминается ни один писатель или музыкант европейского класса. Видимо здесь причина во властвовании этнократических группировок, ориентировавших нацию не на духовную шкалу Гоголя, а на откровенного атеиста Шевченко. Вряд ли на безбожии, да еще с синдромом Мазепы, можно достигнуть величия и благородства. Украинцы – народ одаренный, положительный и настойчивый, и сами выберут свой путь.

Что до России, то ее будущность зависит от того, будет ли она верна парадигме исапостола, адмирала и карabela Великого Петра, которого приняли все святые подвижники церкви, начиная со св. Митрофания, но тайно отвергли и возненавидели все церковники, зараженные византийской монофизитской немощью и робостью. Петр своим появлением преобразил не только светскую Россию, но и ее церковь, заставив ее воинствовать по заветам Спасителя и драться на суше и море.

Пришло время России, оставив в глубоком тылу Прибалтику, Украину и Белоруссию, повернуться «все вдруг» лицом к Тихому океану и начать планомерное, упорное и яростное освоение Сибири и ее океанских берегов.

В год закладки Санкт-Петербурга Петр I с приображенцами захватил в абордажном бою два шведских военных судна и выбил медаль «Небываемое – бывает». В этой небывалости тайный смысл парадигмы святого Преобразователя Петра. До середины этого столетия в Сибири и на берегах океана должно проживать 400 миллионов православных русских - активных, наступательных и конкурентоспособных. В этом не только святой долг перед павшими и умученными предками, но и нравственный долг русского народа перед всем миром. Только присутствие в Сибири четырехсот миллионов отборных русаков, способны придать миру устойчивость, чтобы там не писали политологи-старикашки из Гарварда. Грозная ползучая тень «желтой Цусимы» вновь давит на все наши границы на Востоке. Миграция страшнее чумы и атомной войны – от нее нет спасения, противопоставить ей можно только сотни миллионов русских семей: дружных, здоровых и честных. Другого оружия нет. Россия призвана спасти мир. Это ей под силу. Надо только сплотиться и вспомнить истоки. Во имя России и ее законов Петр не пощадил даже родного сына. Испанский король Филипп II говорил, что если его сына уличат в ереси, то он сам будет подкладывать дрова к костру, на котором его сожгут. Православное сердце Петра I мучительно страдало. Он потом будет закладывать церкви во имя св. Алексея. В

Пруссии такого наследника, как Алексей, публично казнили бы на эшафоте. А ведь Алексей сознался духовнику, что желал смерти отца.

В десятилетнем возрасте Петр видел, как стрельцы поднимают на копья его любимого дядю и рубят бездыханного на куски. Чтобы избавить Россию от кровавых смут и разинщины Царь-Помазанник лично рубил головы смутьянам-стрельцам. Так он выстраивал парадигму перед любимым им народом, призывая всех к беспощадной честности и труду, который и должен стать спасительной молитвой для Святой Руси.

Цусима зовет нас продолжить дело Петра Великого и через абсолютную трезвенность, многоукладность и многодетную наступательность создать новую национальную эстетику, как род высокого послушания. Все должно начинаться с укрепления границы, без которой нет государства. К Тихому океану следовало бы двигаться трем племенам одного разделенного народа, что ныне называются украинцами, белорусами и русскими, двигаться в едином богатырском строю, ибо Европа достигает Приморья, Сахалина и Курил вопреки межеумочным построениям евразийцев.

Смысл истории России, Белоруссии и Украины после Куликовской битвы выразил певец «Задонщины»:

«Пойдемте братья и друзья, взойдем на горы Киевские и величим Землю Русскую».